Глава 169: Новая встреча с Ван Циланом

Кроме тех, кто встречал его в главном поместье, Чэнь Жун не виделся с другими старейшинами Чэнь в этой поездке к своим родственникам. Он думал, что встретится хотя бы с несколькими старейшинами, но, услышав то, что сказала служанка, сразу понял причину того, что их не было.

Официальная встреча состоится с прибытием Дома из Наньньяна. Тогда же будет прием гостей и все остальное, что положено проводить в таких случаях. Ему как бы дают возможность освоиться в поместье, но все главные пункты будут решать по прибытии теперь уже его бывшего опекуна. Местный глава сделал вид, что не знает о его эмансипации, оставив этот вопрос до Гонжана. Интересно, что они придумают в этой ситуации? Понятно, что род не хочет отпускать состоятельного одаренного.

Почему эта служанка оказалась такой умной? Он еше ничего не сказал, но та уже знала его мысли.

Размышления Чэнь Жуна дошли только до этой точки, когда служанка улыбнулась и добавила:

— Вероятно, Вы этого не знаете, но нам приходиться время от времени учиться угадывать мысли наших хозяев. В Цзянькане богатые дома, подобные нашему, не только обучают своих слуг и служанок первого ранга, но и тунфан(прислугу для утех) а некоторых из них учат танцам и пению как дорогих нюйюэ (куртизанок), а еще управляющих и охранников … иначе как Дом Чэнь может называть себя столетней аристократической семьей? Большинство из нас связаны с родом Чэнь родственными узами.

Чэнь Жун небрежно кивнул. Возможно, в прошлом он бы и заинтересовался этими вещами, но сейчас ему просто хотелось спокойной жизни. Хотя не исключено, что служанка дала этим понять, что его статус в роду немногим выше её? Скорее всего она тоже дочь наложницы, просто непризнанная. Но вот только он подтвержденный Храмом Неба Маг. И с этим придется считаться. И унего есть подтвержденные прямым старшим родичем бумаги об эмансипации и отделении от рода. А имея коралл с созвающими камнями, он может основать свой собственный род

Он не знал, что его безразличное отстраненное отношение и застывшее выражение лица будут восприняты слугами по-своему, они подумали: этот молодой мастер очень скромного происхождения, но, похоже, он обладает аристократическими уравновешенностью и грацией. А то… Небо, оно кого попало, не целует! Наверняка его кровь благородна, кто знает, какой благородной примесью она разбавлена. Наложницы тоже бывают разными, и имеют разное происхождение. Старый Мастер говорил, что этот юноша еще и настоящий маг. Такое и вовсе — похоже на сказку.

Поэтому последнему они не слишком верили. В роду Чэнь магов пока не бывало. И для них это был несколько отсраненный статус.

Двор, который был устроен для Чэнь Жуна, располагался на западной стороне поместья Чэнь, предназначенного для Гонжана, подъездная дорожка от основного поместья виднелась за открытой боковой дверью.

Двор был чрезвычайно элегантен во всей своему оформлению; простому и даже незамысловатому.

Пока Чэнь Жун осматривался по сторонам, а служанка снова хихикнула.

— Есть такие люди, вроде Ши Чона, любящие выставлять напоказ свое богатство и украшать свои дома безделушками. Это обычные домохозяйства, воняющие деньгами. Истинный высший класс ищет лишь комфорт. Путь мира покоится в сердце человека.

После двух жизней эта концепция была знакома Чэнь Жуну. Он кивнул в знак согласия.

— Путь мира лежит в сердце человека. Эти слова, конечно, прописная истина.

К этому времени он уже вошел в гостевой дом, предназначенный ему. Самой большой роскошью этого города было свободное пространство, и тут явно именно оно выставлялось напоказ. Двор был просторным, подъездной путь довольно продолжительным и вокруг красовались газоны ровной молодой травы, редкие тщательно подстриженные кусты с декоративной листвой только начинающей распускаться, и радующей взгляд разными оттенками желтого и красного. Это весной-то! Явно растения подбирались, а может, и выводились, специально. Для этого времени такое было редкостью. Кое где среди растений виднелись ажурные фонари, закрепленные на бамбуковых столбах. Вечером,вероятно, тут тоже было красиво

Дом оказался очень большим, хоть и одноэтажным, и очень просто обставленным: кровать и стол для чаепитий, несколько вуалевых занавесок, отгораживающих зону спальни, и никакой другой мебели. Нет, ну оно понятно, что науки для младшего – это пустое времяпрепровождение, но все же рабочего стола и книжных полок решительно не хватало. Он вздохнул. В любом случае он тут в гостях.

Пол был выложен паркетным орнаментом разными породами дерева, основной из которых были рыжие ореховые планки. Пол был тщательно полирован и вроде даже лакирован. Исключительная дворцовая роскошь. Потому что дорогие сорта дерева были исключительно привозными.

На ореховом полированном полу отражались занавеси из тонкой ткани, заделяющие традиционные три зоны жилого пространства. Тусклый свет мерцал у кровати за этими полупрозрачными занавесками. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это мелкий жемчуг, бессистемно нашитый по ткани. Он мерцал, как бесчисленные звезды.

В изголовье ложа было украшено пятьюдесятью или шестьюдесятью крупными

жемчужинами… их цвет, округлость и размер не сильно отличались от того, что он носил в волосах. Они вперемешку с кристаллами горного хрусталя свешивались с потолочного украшения типа «ловца духов» В центре конструкции располагались ажурные шарики «ароматниц».

По комнате плыл расслабляющий аромат. Хотя образ жизни А Жунь и был комфортен в столице во время брака с Жань Минем, такого рода роскошь просто не встречалась в его столичной резиденции.

Служанки наблюдали за Чэнь Жуном с того самого момента, как тот вошел в этот двор. Их удовлетворило его спокойное и не испуганное поведение. Из-за своего безразличия он выглядел так, словно прожил здесь всю свою жизнь, словно жемчужное ложе являлось не более чем дорожным футоном. "Неудивительно, что он смог получить рекомендацию литераторов Нань'яна, хотя он всего лишь сын наложницы из дочерней ветви клана. Даже дом Ван Лан'я похвалил его. Он действительно очень грациоен", - подумали они.

Искать аудиенции у Его Величества было весьма необычно для молодого юноши. Как только его наградят, он станет представителем всего дома Чэнь. Молодой император уже выказал интерес в его адрес. Каждый древний род гордился, если в его потомках появлялись отмеченные Небом.

Это говорило о том, что родовая кровь этих семей особенно ценна. Проявление даров, словно лакмусовая бумажка истинной аристократии Империи. Правда, обычно такое проявлялось не в побочных, более слабых ветвях, а в основной. Но видимо такое провидение. Это как бы говорило всем слугам, что на любого из их семей могло вдруг вот так взглянуть Небесное провидение. Так что Чэнь Жун мог быть хитрым, и мог потерять свое спокойствие; он мог быть безжалостным, но не мог потерять свое предвидение и благословение Небес. Он мог быть даже неблагодарным, самовлюбленным, но не имел права утратить ни своё самообладание, ни темперамент аристократа, уже привыкшего к славе. Ведь он был отмечен небом, как его избранник – небожитель.

Почувствовав удовлетворение от увиденного, слуги один за другим отступили. Этот юноша соотвествовал их ожиданиям.

Чэнь Жун сидел в своей комнате, рассеянно глядя на свою цитру.

Матушка Пинь быстро с облегчением выдохнула, увидев, что дверь закрылась. Она подошла к Чэнь Жуну сзади и пробормотала:

— Господин, я почему-то не могла дышать.

— Ты же ничего у них не просишь. Чего ты боишься? Мы им ничем не обязаны, и уже никак официально не связаны.

Та задумалась, а затем рассмеялась.

— Да, я ни о чем не прошу их. Я постараюсь дышать в следующий раз, когда увижу их.

Чэнь Жун улыбнулся.

Спустились сумерки. Слуга зажег фонари во дворе, в каждом установив свечу – очень дорогое удовольствие. Но невероятно красивое. Огоньки мерцали в покачивающихся на ночном ветерке фонарях, затянутых тканью, напоминая Чэнь Жуну о его ночах в поместье принца. Мерцающие кубики фонарей мерцали в разных местах сада на разном уровне, создавая таинственную и романтическую атмосферу.

Чэнь Жун и его люди провели зимнюю и ранне весеннюю часть года в дороге, сейчас уже весна вступала в свои права, но в северном ветре все еще ощущался холодок, в то время как южный приносил обильные дожди и запахи цветущей сельвы.

Он смотрел на разлившийся в небе закат и напевал какую-то песню, трогая струны.

Звуки цитры неторопливо порхали в воздухе ночными бабочками . Спокойствие в его обычно красивых нотах было чем-то таким, чего даже он никогда не знал. Это блаженство, которое испытываешь, когда обнаруживаешь, что гора может быть такой впечатляющей, а вода – такой гармоничной. И все же, имелась скрытая настойчивость, дающая понять другим, что он на самом деле очень жаждал этого умиротворения.

Музыка постепенно стихла, и в этот момент позади него раздались аплодисменты. В то же самое время раздался резкий смех Хуан Цзюланя.

— Браво, браво. Каждый раз, когда я слышу, как ты играешь, я нахожу новое просветление.

В этот момент он понизил голос и съязвил:

— Интересно, кому я должен это приписать?

В его тоне чувствовалась двусмысленность.

Чэнь Жун нахмурился. Его палец невольно застыл на струнах цитры.

На его лице медленно расцвела улыбка. Вот и ожидаемая подлянка.

— Приветствую Вас господа, — сказал он, вставая, и церемониально поклонился.

Ему не нужно было поднимать голову, чтобы увидеть среди этих щеголеватых юношей фигуру, которую он никогда не сможет забыть, но и не захочет видеть снова.

По этой причине он провел пальцами по струнам, улыбнулся и мягко произнес:

— Солнце скоро сядет, и наступит ночь. Мое убогое жилище недостойно Вашего присутствия. Вам лучше покинуть мои покои.

Он откровенно прогонял своих гостей. Они засвидетельствовали его присутсвие в пометье Чэнь. Этого достаточно. Тут территория благородных, не то, что его дом в городе.

Молодые люди застыли. Рассмеявшись, Хуан Цзюлань взял инициативу на себя, сбивая неловкий момент. И, не дожидаясь реакции толпы, он вытолкал их со словами:

— Да, да, мы уйдем, уже уходи-им, — кокетливо протянул он, выталкивая гостей, он смеялся, и тут же их шаги исчезли за сводчатым дверным проемом.

Но единственный человек, которого не забрал с собой Хуан Цзюлан, оказался именно тот, кого Чэнь Жуну меньше всего хотелось видеть. Но именно тот на чье присуствие намекал Цзюлань

Он криво усмехнулся.

Послышались шаги.

Мужчина в белом одеянии подошел к нему.

Оказавшись в трех шагах от него, он взглянул на него и тихо вздохнул.

— А Жун, не улыбайся так, не говори так… это не ты.

Чэнь Жун чуть не расхохотался вслух.

Он медленно поднял голову.

Сумерки окрасили его фарфоровую кожу в розовый и осветили потемневшие до цвета сумеречного неба глаза.

Он наклонил голову и посмотрел на него снизу вверх. Наконец он улыбнулся.

— Цилан, мы давно не виделись.

Да, это было очень давно. Так долго, что ему показалось, будто прошло целое столетие, так долго, что он уже привык оставаться холодным и отстраненным…

Ван Хун наблюдал за очаровательным, но холодным Чэнь Жуном и медленно выдавил слабую улыбку.

Он потянулся к губам Чэнь Жуна. Он действовал медленно, изящно и практически на инстинктах.

Когда его палец оказался в нескольких дюймах от его губ, Чэнь Жун улыбнулся улыбкой без улыбки и мягко сказал:

— Мой господин, пожалуйста, следи за собой.

Он говорил тихо, но его тон выдавал твердую решимость.

Ван Хун, казалось, не слышал его.

Он нежно приложил палец к его послушным губам.

Его прикосновение было очень холодным. Поглаживая его изогнутые сочные губы этого чуть крупноватого рта, он спокойно смотрел ему в глаза и наконец, пробормотал:

— Мой А Жун ... — в его охрипшем голосе слышалась затаенная беспомощность.

Чэнь Жун поднял бровь: «его А Жун»?

Он очаровательно улыбнулся. Его блестящие глаза пристально смотрели на Ван Хуна, когда он взял его ласкающий палец в рот.

Его поступок мгновенно заставил ВанХуна напрячься.

Он застенчиво наблюдал за застывшим Ван Хуном. Его язык медленно скользнул по его пальцу.

Когда тот смотрел на него с восторгом и блаженством, он отпустил его палец и потянулся вперед, чтобы погладить его горло.

Его теплое и шелковистое прикосновение внезапно сменилось острым предметом – черным кинжалом. Запястье Чэнь Жуна нажало и чуть пронзило его плоть.

Заставив Ван Хуна поднять голову, он убрал улыбку. Он посмотрел на него и тихо произнес:

— Ты переступаешь черту, Цилан. Если ты не можешь дать мне то, чего я желаю, и я получаю от тебя только презрение, то почему бы тебе просто не взмахнуть рукавами и не отпустить это?

Он наклонился к нему. Пока Ван Хун смотрел в его ясные чистые глаза, он промурлыкал:

— Цилан, преследование очень неподобающе для дома Ван Лан'я. — его мягкие губы коснулись его уха, легко нашептывая эти слова.

Убедившись, что глаза Ван Хуна потемнели, Чэнь Жун убрал кинжал в рукав, повернул голову и без колебаний вернулся в свою комнату.

— Проводите гостя, — крикнул он, как только подошел к двери.

Он крикнул дважды, но ни один слуга не вышел.

Чэнь Жун стоя у своей двери, снова выкрикнул:

— Слуги!

В его голосе слышался легкий оттенок гнева. Еще, когда уходил Хуан Цзюлан, он обратил внимание, что все слуги во дворе исчезли. Он не мог поверить, что они все еще притворяются, будто не слышат его, даже после того, как он закричал во всю силу своих легких.

Двор оставался таким же тихим, несмотря на его возгласы

Чэнь Жун тихонько зарычал, хлопнул рукавами и зашагал обратно в свою комнату. В мгновение ока его дверь захлопнулась.

Глядя на подрагивающую дверь, Ван Хун медленно протянул руку, чтобы коснуться крови на своем горле, и беспомощно улыбнулся.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/1285/36219